

ФРАСКО

ТОМЪ II

Семен Грила

Фиаско

*«...Я родом
из дикой той страны, где каплет кровь на снег..»
Владимир Набоков*

*«Назвать тирана тираном всегда было опасно. Но сегодня не
менее опасно назвать раба рабом».
Рюноске Акутагава*

Пролог

Он не думал, что так закончится. И теперь лежал ничком, уткнувшись лицом в песок приморских дюн. Пётр Иванович Смольянинов, так звали этого человека, еще вчера был бодр и весел, он строил планы и претворял их в жизнь. Потом жизнь оказалась короче планов. Человеку редко удастся пережить свои планы, планы всегда почти побеждают.

Детство

Петя был чудесным послушным мальчиком. Октябренком, пионером и комсомольцем. Все впитал, все воспринял, но не осознал. И это спасло потом. Много раз. Он учился хорошо. Закончил университет и отправился в школу учителем литературы.

Отец и мать души в нем не чаяли, он был единственным ребенком в семье, и его детство промелькнуло для них очень быстро. Почти незаметно, ибо они работали и были молоды. Ну, вы понимаете. Сами жили. Полной грудью. А Петя был в хвосте этих будней и праздников.

Его детство тянулось медленно, но закончилось вдруг. Он как-то шел по улице с бабушкой и вдруг понял, что уже не ребенок. Как, спросите вы? А он не знал, как, но понял – и всё. Еще более удивительным было то, что осознание этого никак на него не повлияло и он продолжил жить как жил.

Студент

Он поступил в университет легко, на филфак, на русское отделение. Девочек было много, а мальчиков совсем не было. Родители очень хотели сына-филолога. Дедушка у мамы был писателем, малоизвестным, но все же. Видел Горького. Ну и все такое. Семейные предания.

После осмотра списков поступивших, после того как отыскал свою фамилию, он вышел на набережную. Светило солнце, искрилась вода, теплый летний день приятно обволакивал тело. Было легко, и он был счастлив. Рядом стояли девчонки, поступившие и бесшабашные. Пошли в общагу. Очнулся утром. Голова болела. Рядом, тесно прижавшись, лежала она. Кто она, он не знал, но понял, что это она. Вернее, не понял, и от этого стало страшно и замутило совсем. Он тихонько оделся и вышел.

На улице шел дождь. Ну прям как по заказу его души. Он поплелся домой. Лег и проспал до вечера.

Так началась студенческая жизнь Петра. Пети Смольянинова. После лекций он ходил по музеям и в филармонию, а по вечерам бухал с друзьями.

Лариса

Через год оказалось, что он отец. Лучше рано, чем никогда, подумал он. И был по-своему прав. Он никогда не отрицал очевидного.

Мать ребенка он знал давно, хотя давно забыл. Русский язык позволяет так изгаляться над действительностью. И знал, и забыл.

Понадобились деньги. Подвернулась халтура – текст для отчета по исследованию настроений студентов. Заказчик – профессор с юрфака – платил щедро. Но любовь длилась недолго. Петя не жалел. Он понял главное: он может зарабатывать. Просто написанием текстов. Любых. Для всяких.

Ребенок не нуждался, а Петя очень. Он встал на дорогу, пройдя по которой двадцать лет и оглянувшись, ужаснулся. Кем он стал? Никем. Это поразило. Он не ожидал такой реакции себя на себя.

Писатели

Одно время он продавал утраченные рукописи. Он по разным случаям раздобыл старых чернил, с бумагой было хуже, но удавалось находить. По большей части приходилось воспроизводить черновики. Много помарок, клякс, рисунков – все то, что так любят коллекционеры. Он стал известен в узких кругах.

Одна из легенд этого мира – второй том «Мертвых душ». Гоголь. Миф. К нему обращались с вопросами. Он пожимал плечами: абсурд. А однажды подумал: а почему нет? Это тогда, когда в

полутемном баре один барыга, мнящий себя тонким ценителем литературы, предложил ему миллион, если он найдет ему эту рукопись.

Коллекционер

На следующей встрече заказчик рассказал, почему он так хочет второй том.

– Я же понимаю, – сказал он Пете, – что там примерно у него написано и почему это так ценно сегодня. Он писал о нравственных исканиях, перерождении, как говорят. Я читал где-то. И это сейчас очень кстати. Сечешь?

– Не совсем, – сказал Петя

– Понимаю. Ты далек от общественных процессов. Людям нужен новый свет, новая истина, подкрепленная могучим авторитетом. Гоголь и есть такой авторитет. В России не ценят философов, в России пророки и писатели. Не нынешние, конечно, – он засмеялся. И Петя понял, что надо делать.

– Я поищу, – сказал он.

– Поищи-поищи, и хорошенько. Накладные расходы я оплачу отдельно. Встретимся здесь через год. А так пиши, как идут дела, – и он дал адрес.

Они выпили еще, и Петя ушел.

Гоголь

А Гоголь, похоже, не справился. Николай Васильевич взял высоко – и не смог. Дописав, понял, что получилось, мягко говоря, не то, попытался сжечь. Но домохозяин спас рукопись, как говорят апокрифы. И теперь рукопись лежала перед Петей, и ему казалось,

она еще дымилась. От его нечеловеческих усилий заменить гения в негениальном труде.

Это оказалось проще, чем он думал. Времени ушло много, аутентичной бумаги еще больше, а подделка почерка заставила вспомнить иноков-переписчиков в монастырях. И тем не менее. Возможно, он бы мною гордился. Я дал роману вторую жизнь.

Петя многим стихам дал и первую, и вторую жизнь. Рассказам и повестям. Но такую глыбу он занес в гору впервые. И теперь чувствовал опустошение и жажду.

Бросить все к черту. Именно в это время он оглянулся на свою жизнь – и, как мы уже знаем, остался потрясенным.

Другие времена

Он отдал рукопись заказчику. Заказчик через неделю прислал деньги. В смысле с курьером, разумеется. Вернее, с самим собой, конечно.

Они опять сидели в баре на другом конце города, заказчик сказал, что не ожидал, совсем не все понял, но понял, что следует, согласно заветам Гоголя, работать над собой. Расспрашивал, как Смольянинову удалось найти рукопись.

Петя рассказал длинную запутанную детективную историю со многими фамилиями, городами и даже странами. Там был и Париж, и Рим, и Петербург. А нашлось все у наследников того генерала, у которого жил в последнее время Гоголь.

Все было шито белыми нитками, но звучало убедительно. Заказчик благодарил. Договорились как-нибудь выпить еще и расстались друзьями.

Память

Он стал уже забывать про Гоголя, забыл уже совсем, но тут ему пришло сообщение. Некто, представившись другом Ильи (был у него такой друг со школы), написал, что тот дал ему номер, у него к Пете дело.

Петя написал Илье: «Какого хера?» Илья ответил: «Извини, старик, забыл предупредить, так получилось, не мог отказать этим людям и тебе не советую». И еще раз «извини».

Петя ответил на сообщение. Абонент сообщил, что хотел бы встретиться и согласен на любое время и место.

Договорились в «Пирамиде». У Пети были плохие предчувствия, они не обманули. Перед ним возник человек безликий и очень опасный. Ну, такие бывают: и улыбка, и манеры, и костюм – а вы уже ссыте по ляжкам. Вот так и тут.

Он присел за стол, подошел официант, он заказал что-то, Петя не расслышал. Потом пошел смол-ток, потом он перешел к делу. Достал рукопись Гоголя, ту самую. И сказал:

– У нас просьба: перепишите кое-что.

Пётр изумился:

– Откуда это у вас?

Человек пожал плечами:

– Перепишите?

– Это же Гоголь.

– Ну, с вашими-то способностями.

– Я могу попробовать, но это будет уже не Гоголь – подделка.

Человек опять пожал плечами и улыбнулся:

– Хотите я вам палец сломаю?

– Зачем? – в ужасе отпрянул Петя.

– Вот и я думаю – зачем? Такие руки беречь надо. Ну так как? Согласны?

Петя кивнул. Человек отдал ему рукопись:

– Там отдельно написано, что и где надо изменить и на что. Стилизация, конечно, на ваше усмотрение. Я вам напишу.

И пока Петя тупо смотрел на папку, исчез.

Жизнь

Пётр Иванович в какой-то момент своей жизни женился на жительнице Риги Инге Петровой. Он долго не знал – зачем.

Жили они вполне мирно, и он любил ее, а она радовалась его успехам, для нее он был преподавателем престижного вуза и любимцем студентов, прекрасным рассказчиком и так далее.

Она была хорошая. А теперь выяснилось, что и полезная. Ибо теперь у Смольянинова был вид на жительство в европейской стране. Сейчас очень кстати оказалось. Наверное, кстати – он пока до конца не знал, сюжет не сложился.

Он читал, что рукопись второго тома всплыла и ее активно использовал один видный политик или как их там называют – администратор. Он попытался пару раз вызвонить того коллекционера, который купил рукопись, но безуспешно, а потом как-то и сам остыл. А теперь вот как обернулось.

Петя ощущал страх. Что-то шло не так, но он не понимал – что. Кто-то все знал про него и мог сделать с ним все что угодно. Нет, со всеми так бывало. Все рождаются виноватыми, но редко так, как теперь он, чувствуют это все время без перерывов.

Николай Васильевич

Он смотрел на предлагаемые изменения к тексту. Они меняли все до неузнаваемости. Теперь нравственный посыл Гоголя обращен не к самосовершенствованию человека, а к развитию по лекалам высшей власти. Служению царю и отечеству. И если так – то человек хороший. Его добродетели теперь полностью зависели от государства, а не от совести. Это был крутой поворот.

Пётр сидел, сжав виски, но выбора не было. И он все сделал, как просили, через месяц отдал готовое.

Былое и думы

Он встретился опять с тем самым человеком. Вежливый и спокойный, он поблагодарил. Передал гонорар, хотя они и не договаривались, сказал, что все понравилось, что не последний раз и что они еще встретятся. Петя слушал и кивал.

Потом человек ушел, Петя долго бродил по городу и в конце концов решил, что надо уезжать.

Эмиграция

Они жили в Юрмале уже пять лет. Он преподавал, писал по прежнему диссертации по заказу, ну, в общем, все, как и раньше. И Гоголь как-то забылся. Пить стали больше, и однажды на одной из вечеринок у друзей он познакомился с Филиппом: как выяснилось, они с разницей в десять лет закончили один и тот же филфак.

Филипп был теперь молодым журналистом, но уже достаточно известным. Как положено теперь, с блогом и передачей на радио.

Он спросил про Гоголя: мол, ходят слухи. Петя уже прилично выпил – и вдруг раскрылись врата души, и все что гнило там, он выплеснул

в ответ на безобидный вопрос. Потом опять пили, потом пошли еще к кому-то в гости. Потом Петя как-то оказался дома.

Филиппа этого, если он вообще был, он больше не видел и забыл уже о пьянке той. Жизнь покатилась дальше.

Две недели спустя

Да, примерно через две недели его телефон начал разрываться от сообщений и звонков. Прочитав пару из них, Петя понял, что случилось худшее – Филя опубликовал его исповедь. Он похолодел. Он открыл текст. Там была фамилия коллекционера и описание второго. Холод перешел в жар. Он горел.

Дюны

Он прожил еще три года, прежде чем его нашли в дюнах. И непонятно, кто прекратил Петину жизнь – превратности судьбы или Гоголь. Лежи теперь и думай. У тебя вечность.